

МУЖИК

Начались дни тяжелых переходов. Утром не знали, где будут в обед и где ночь спочуют. Города, люди, небо, полки, роты, перелески, обозы, мосты, пыль, храмы, выстрелы, орудия (или, как говорили солдаты, урудия), костры, крик, кровь, острый запах пота – все тучей изметнулось, давило мозг и казалось сном.

Голодали порой. Порой наедались до дурноты.

Пили воду прямо из ручьев: хороши они здесь, – ручьи-то, – светлые, как слезочка; с устатку пьешь – не напьешься.

Сражались мало, все больше ходили.

Солдаты к вечеру угрюмели от усталости, искали, на ком бы сорвать злобу.

– Попадись теперь австрияк, зубом бы заел!

Впрочем, это так, больше от истомы походной.

К утру отдохнут, подobreют, и опять шутки, смех, – на бронзовых лицах зубы словно огоньки мелькают.

– Пильщиков, а ну, расскажи, какой ты сон нынче видел?

И все, сколько их есть вокруг – вся полурота, – все посмотрели, улыбаясь, на Пильщикова. А тот возился у костра – этакий здоровый, в зеленой рубашке без пояса, ворот расстегнут.

Возьмет сук в руку толщиной – р-раз! – и сломает о колено и в огонь: нет ему больше удовольствия, как костры разводить.

– Ныне, братцы, я в Шиханах был. Будто по своему двору с сыном ходил. А он на меня смотрит этак бочком, глаз-то у него синий да большой такой... К чему бы это?

Пильщиков помолчал и, сделав свирепое лицо, дунул в костор – искры столбом полетели.

– Беспременно опять получишь крест, – сказал насмешливо кто-то.

– Не. Такие сны я часто вижу. А когда крест получить, я будто женился...

– Хо-хо-хо! Вот он... От живой-то жены, да опять женился?

– Ей-богу. Я и сам удивился. "Я, говорю, женатый уж".

А мне говорят: "Не, ты еще раз женись. Одна жена хорошо, а две в беспример лучше". – "Не водится, говорю, у нас так. Мне и одной довольно. Я человек расейский, не татарин какой". Упираюсь так... А они все свое. Так и женили. Утром проснулся – сам смеюсь, думаю, к чему бы это. А потом вдруг ротный бумагу: Пильщикову крест. А, будь ты неладна. Так оно все занятно.

Солдаты зубоскалят. И ни усталости, ни злобы...

А труба уже сбор играет:

– Готовься!

И опять поход, новые места, опять дороги, города, орудия, пыль, крики, выстрелы – усталость.

А Пильщиков... ему что, кряжу, делается. Он этакий ровный всегда, хозяйственный, ходит, пытливо посматривая по сторонам, на рощицы, на сады, на домики и нет-нет да свое любимое словцо протянет:

– Заня-ятно!..

Протянет вслух и ни к кому не обращаясь.

Или вдруг заговорит о том, что на душе у него, и нимало не заботясь, слушают его или нет.

– И вот, братцы, чуда какая. Гляди, и церкви наши, и народ по обличаю наш, только говорят, как в рот каши набрали – не поймешь сразу. Особливо церкви. Намедни я зашел в одну, все крестятся по-нашему, иконы наши, бог Салавоф в кунполе нарисован – наш, – этакий же седой да бородатый. "Иже херувима" и та наша. А вот воюем... Чудно!

И умолкал. Серыми пытливыми глазами смотрел кругом, задумывался, круто заквашенный, неповоротливый.

– Заня-ятно!

Раз отряд шел целый день, преследуя уходящего врага.

Враг, или, как говорят солдаты, "он", был где-то рядом. Еще не успевали дотлеть костры, зажженные им, еще четко виднелись в дорожной пыли следы кованых сапог, и чудилось порой, что в воздухе носится запах гари и пота, ост-авленный австрийцами.

– Вот-вот "он"

К вечеру стало известно, что "он" остановился, может быть готовый завтра дать бой.

И, как вода в запруде, стали собираться роты и полки и стеною